

- 2) такой антропологический принцип определения «человека», при котором добрая половина людей на земном шаре не может быть признана людьми;
- 3) лояльность к власти, т. е. ограничение разума в пределах одних только разговоров.

Литература

1. *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Собр. соч.: В 8 тт. / Под ред. *А. В. Гулыги.* Т. 8. М., 1994.
2. *Фуко М.* Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть. Т. 1. М., 2002.

В. В. Горбатов (Москва, НИУ ВШЭ)

Борьба за метасемантику: двумерный подход

1. Естественный язык: «медиум» или «исчисление»?

В последней четверти XIX в., когда аристотелевская логика стремительно теряла почву под ногами, и на свет появлялись, провоцируя друг друга, разнообразные формы релятивизма, скептицизма и субъективизма, родилась радикально новая логическая наука, методологические и философские предпосылки которой до сих пор не исследованы до конца.

Одним из наиболее плодотворных инструментов в исследовании этого критического для европейской мысли периода стало предложенное ван Хейеноортом разделение двух идейно противоположных концепций логического: «логика как универсальный язык» и «логика как исчисление» (5). Первую он называет также «логицистской» и возводит к Г. Фреге; вторую характеризует как «алгебраическую» и связывает с именами Дж. Буля и Ч. С. Пирса. В своей работе франко-американский философ пришел к парадоксальному выводу: несмотря на то, что линия Фреге официально считается основной и преобладающей, на самом деле эта концепция увела логическую науку настолько далеко в сторону, что единственным выходом на сегодняшний день видится «радикальный разрыв с фреге-расселовским подходом к основаниям логики и возврат, или, по крайней мере, связь с до-фрегевской или не-фрегевской логикой» (5, 328).

Развивая идеи ван Хейеноорта, Мартин Куш (3) и Я. Хинтикка (2), (6) отмечают, что спор этих двух концепций в первой половине XX века вышел далеко за пределы собственно логики и оказался теснейшим образом связан с более глубокой проблемой – проблемой соотношения языка, мира и мышления. «Более общо, и, пожалуй, более точно мы могли бы дать им другие названия: концепция языка как неустранимого посредника коммуникации (сокращенно: «язык как медиум») и концепция языка как исчисления», – пишет Хинтикка (6, 716). Характерно, что представление о языке как универсальном посреднике, можно найти не только у Фреге, Витгенштейна, Тарского, Карнапа, Куайна или Хомского, но даже и у таких далеких от аналитической традиции мыслителей как Хайдеггер, Гадамер и Деррида.

«Согласно универсалистскому подходу, – пишет Хинтикка (2, 47), – я не могу обсуждать в моем языке отношения, связывающие его с миром. Эти отношения составляют значения слов и других выражений моего языка. Их совокупность есть то, что известно в качестве семантики этого языка. Тем самым одним из наиболее важных следствий универсалистской позиции является невыразимость семантики». Важно подчеркнуть, что невыразимость отнюдь не

означает невозможность. Напротив, ничто так не способствовало развитию и усовершенствованию технического аппарата современной семантики, как убеждение в том, что этот аппарат представляет собой не только то, с помощью чего мы говорим о мире, но и, в пределе, он есть все то, что мы вообще можем о мире сказать. Благодаря работам Фреге, Витгенштейна, Тарского у нас есть прекрасная машина для систематического выведения значений лингвистических выражений из условий их истинности, и наоборот. Проблема в том, что, в конечном счете, семантика без метасемантики превращает нас в «семантиков без семантики», потому что мы до сих пор не знаем, как пустить эту машину в ход.

В обоснование тезиса о невыразимости семантики зачастую приводится, среди прочих (*), так называемый прагматический аргумент, на котором я хотел бы сейчас заострить внимание в силу его принципиальной важности для понимания последующих контрверз. Согласно этому аргументу, мы не можем отделить себя от своих понятий, поскольку у нас нет возможности остановить нашу концептуальную практику без их утраты. Другими словами, невозможность рационального теоретизирования о семантике связана с динамической, процессуальной природой нашей языковой активности. Однако, замечает Хинтиikka, «не видно причины, почему понятия, которыми мы должны владеть, для того чтобы говорить о нашем языке, не могут также иметь подоплеку в человеческой активности» (2, 48). На самом деле, мы постоянно строим рациональные модели семантики тех или иных используемых нами фрагментов естественного языка, помногу раз в день попадая в ситуации интерпретационной неопределенности и успешно преодолевая их! Такая практика – практика сопоставления различных допустимых в конкретном контексте интерпретационных конструкций и рационального выбора между ними – свидетельствует о том, что у нас все-таки имеются, пусть и не всегда оформленные систематическим образом, но вполне разумные и работающие представления о базовых семантических отношениях нашего собственного языка.

2. Мир как объект и как условие языковой коммуникации

Один из главных тезисов данной статьи заключается в том, что преодоление универсалистской парадигмы было и является насущной задачей не только логики как частной философской дисциплины, и даже не только аналитической философии, но любой рациональной философии, ставящий своей целью объяснение того, как соотносится мир с тем, что мы мыслим и говорим о нем (и в нем).

В качестве простого, но яркого примера можно привести эволюцию концепции неопрагматизма. Триумфальную славу этой концепции принесли пионерские и вдохновляющие работы Куайна – пожалуй, нигде более в философии XX в. мы не найдем столь радикального выражения идеи языка как универсального посредника: пока языка нет, ничего не может быть сказано; когда он есть, сказано может быть уже не все. Однако тезис о невыразимости семантики у Куайна простирается и еще дальше: речь идет не просто о недоопределенности семантического значения выражений языка его собственными концептуальными средствами, но о радикальной неопределенности значения вообще, о «непостижимости референции». Неопределенность перевода естественным образом выливается у него в онтологическую относительность: неуловимый гавагай заставляет признать, что никакой метафизической реальности помимо нашего языка и за его пределами, собственно, не существует (ибо все, что мы можем

сказать о последней, выводится из особенностей первого).

Но уже его ученик Дэвидсон приходит к парадоксальному выводу, что разрушительные для объективистской онтологии следствия куайновской семантической концепции невозможно вывести так, чтобы они были последовательными и одновременно непротиворечивыми. Он обвиняет своего учителя в приверженности «третьей догме» эмпиризма, согласно которой можно провести четкое различие между концептуальной схемой нашего языка и его эмпирическим содержанием. Не существует никаких непосредственных эмпирических данных, которые служили бы основанием знания и значения.

По мнению Дэвидсона, Куайн недооценил всю сложность связи между истиной и значением, не увидел онтологических обязательств в прагматических принципах интерпретации. В частности, принцип доверия (*charity*) – при интерпретации неизвестного нам языка, мы должны допускать, что его носители придерживаются во многом таких же представлений, что и мы, и эти представления в большинстве своем являются истинными, – Дэвидсон предлагает считать не просто удобной эвристической максимой, расширяющей возможности интерпретации, но фундаментальным ее условием. Это значит, что интерпретатор вынужден обеспечивать столько согласия с носителями другого языка, сколько нужно для придания смысла его собственным приписываниям и интерпретациям, и следовательно, именно общая картина мира создает общий язык, а не наоборот.

Какие же онтологические выводы можно сделать из принципа доверия, если относиться к нему в достаточной степени серьезно? По мнению Дэвидсона, эти выводы должны привести нас к построению метафизики нового типа: «если при построении теории истины требуется явная ссылка на говорящих и окружающие условия, то из предположения, что общие особенности языка отображают объективные особенности мира, мы должны заключить, что подходящая метафизика на центральное место поставит идею человека (говорящего), локализованного в обычном пространстве и времени» (1, 358).

Таким образом, преодоление универалистской концепции языка идет у Дэвидсона через переосмысление понятия «мира», который становится не только предельным референтом тотальности лингвистических выражений, но и местом интерпретационной встречи говорящего и его адресата – неустранимым локальным контекстом, в отсутствии которого событие понимания не могло бы в принципе состояться. Этот мир – мир успешно коммуницирующих агентов – остается единым, и в то же время выступает сразу в двух несовместимых ипостасях. Подобное самоудвоение-в-тождественности представляется мне общей логической схемой, с помощью которой можно отбросить парадигмы «язык как универсальный посредник» и освободить место для принципиально новой постановки вопросов о языке, значении и истине.

3. Двумерная семантика

В этой связи полезно будет обратиться к теоретическому аппарату так называемой «двумерной семантики» (*two-dimensionalism*, 2-дизенсионализм), который сложился еще в 80-х гг. прошлого века и приобрел особую популярность за последнее десятилетие. Этот аппарат широко используется сегодня в связи с дискуссиями о роли концептуального анализа в философии, о соотно-

шении понятий мыслимости и (метафизической) возможности, о редукционизме и априоризме. Но наиболее удачным приложением семантики подобного рода считается объяснение природы открытых Крипке «смешанных истин» – необходимых апостериорных и контингентных априорных суждений.

Технически 2-дименсионализм является разновидностью семантики возможных миров, где каждое из измерений задается в терминах возможных миров и отношений между ними. В отличие от карнаповской семантики, где экстенционалы выражений варьируются по мирам, а интенционалы остаются стабильными, двумерный подход допускает также варьирование интенционалов. Если интенционалы традиционно представляются как функции из множества возможных миров в множество экстенционалов, то теперь у нас появляются еще и функции из множества возможных миров в множество интенционалов.

На мой взгляд, двумерный подход следует понимать, прежде всего, как попытку компромисса между двумя идейно противоположными подходами к объяснению значения или содержания языковых единиц: один из них трактует значение выражения в терминах условий истинности высказываний, в которые данное выражение входит, другой – в терминах условий употребления данного выражения, что особенно важно при анализе феноменов когнитивной значимости и контекстной зависимости.

Действие двумерной семантики удобно иллюстрировать матрицами, в которых одно и то же множество миров представлено одновременно и в верхней горизонтали, и в левой вертикали. Возьмем типичный случай необходимого апостериори, утверждение «Геспер = Фосфор». В рамках одного и того же приписывания значений данным именам (одного контекста, или одной эпистемической перспективы – w_1) данное истинно во всех возможных мирах (вся горизонтальная строка). В то же время, если допустить варьирование контекстов (w_2, w_3), то найдутся миры, где имена «Геспер» и «Фосфор» обозначают различные объекты – в этих строках будет повсюду значение «ложь».

		С-трактовка		
		w_1	w_2	w_3
А-трактовка	w_1	И	И	И
	w_2	Л	Л	Л
	w_3	Л	Л	Л

Миры в колонке слева (1-е измерение) обычно трактуются как эпистемические альтернативы, или контексты употребления (поскольку познание и коммуникация всегда осуществляются какими-то агентами, здесь можно говорить о субъект-центрированных мирах, или тройках <мир, агент, момент времени>). В верхней же строке (2-е измерение) миры берутся как онтологические альтернативы – способы, каким мир мог бы быть. Некоторые авторы предпочитают говорить, что левая колонка содержит миры, рассмотренные как актуальные (А), а верхняя строка – миры, рассмотренные как контрфактические (С). Соответственно, если диагональ рассматривать как особую разновидность интенционала – «первичный интенционал» (А-интенционал), инвариантный в рамках всей модели, – то горизонтальные строки можно трактовать как производные – «вторичные интенционалы» (С-интенционалы), полученные путем подстановки на место актуального мира его эпистемических или прагматических альтернатив.

Как правило, двумерный подход, – и в частности, одинаковость значений в диагонали $2D$ -матрицы, – связывается с априорностью, порождаемой использованием тех или иных категорий языковых выражений (индексикалы у Д. Каплана, описательные имена у Г. Эванса, выражения с оператором «актуально» у М. Дэвиса и Л. Хамберстоуна). Более поздние версии (Д. Чалмерс, Ф. Джексон, Д. Льюис и др.) отличаются тем, что распространяют понятие априорности на все виды выражений (поэтому данный подход еще называют «обобщенным 2-димиенсионализмом»).

Вот как, например, выглядит матрица контингентного априорного предложения «Я здесь», содержащего индексикалы:

		С-трактовка		
		w_1	w_2	w_3
А-трактовка	w_1	И	Л	Л
	w_2	Л	И	Л
	w_3	Л	Л	И

Нетрудно видеть, что в диагонали это утверждение стабильно принимает значение «истина», хотя значение индексикалов «я» и «здесь» может как угодно варьироваться в зависимости от выбора контекста (в данном случае – прежде всего субъекта, относительно которого центрированы эпистемические / прагматические альтернативы).

4. Почему дорога в ад вымощена первичными интенционалами

В литературе встречаются различные варианты деления двумерных семантик – на эпистемические и контекстные, узкие и обобщенные, гомогенные и гетерогенные и т. д. (4; 7; 8). Но наибольшую важность в рамках данной статьи представляет отстаиваемое Р. Столнейкером деление 2-димиенсионализма на «семантический» и «метасемантический». К сторонникам семантического подхода следует отнести в первую очередь Д. Каплана, а также, с некоторыми оговорками, большую часть приверженцев эпистемологической интерпретации – Д. Чалмерса (4), Ф. Джексона, Д. Льюиса и др.; «метасемантический» подход защищают Р. Столнейкер и Т. Болдуин (8).

Основное различие между этими двумя подходами заключается в том, что семантическая версия 2-димиенсионализма считает базовыми диагональные, или «первичные» интенционалы, а горизонтальные, или «вторичные» признает производными – как в семантическом, так и в эпистемическом отношении (**). На практике это будет означать, например, что сначала агент получает познавательный доступ к абстрактной пропозиции, а уже потом, в зависимости от имеющегося контекста, подставляет на место пробелов имена конкретных индивидов и мест. Таким образом, контекст вступает в игру уже после того, известны как общие контуры возможной интерпретации.

Метасемантический вариант 2-димиенсионализма, напротив, снабжает субъекта эпистемическим доступом лишь к предельно конкретным пропозициям, интерпретация которых с самого начала включает информацию о контексте употребления. Но при этом за субъектом остается возможность переинтерпретировать имеющуюся у него пропозицию, если коммуникативная ситуация свидетельствует о нарушении неких общих принципов логической прагматики – в частности, какой-либо из грайсовых максим. Таким образом, базовыми семан-

тическими значениями являются горизонтальные интенционалы, диагональные же представляют собой лишь *ad hoc* переинтерпретации, к которым мы прибегаем, когда стандартные горизонтальные интенционалы делают утверждения субъекта неинформативными (необходимо истинными или необходимо ложными). Они представляют собой лишь теоретическую абстракцию, производную от множества горизонтальных интенционалов, которые совместимы с частичной неосведомленностью субъекта о горизонтальных интенционалах используемых им выражений.

Переворачивая порядок объяснения, Столнейкер трансформирует метафизический вопрос «как необходимые предложения могут быть апостериорными?» в прагматический: «как получается, что необходимые предложения могут быть использованы для того, чтобы передавать контингентную информацию?» «Мой проект, – пишет он, – начался с допущения, что стандартная семантика [...], в сущности, верна – нужно было только согласовать этот факт с тем, что предложения, которые согласно этой семантике являются необходимыми, тем не менее, могут быть использованы для передачи контингентной информации. Диагонализация трактовалась как переинтерпретация – интерпретация, паразитирующая на стандартной интерпретации, которая, согласно моему предположению, дает правильные результаты относительно того, что выражается и передается в нормальных случаях» (7, 305).

Еще одним важным различием между «семантическим» и «метасемантическим» подходами является понимание интенциональности. Первый – располагает проблему интенциональности на уровне А-интенционалов, которые тогда трактуются как подлинные когнитивные значения выражений (правда, проявляющиеся по-разному в зависимости от контекста); второй – на уровне С-интенционалов, которые являются содержанием мысли и когнитивным значением выражений в нормальном случае, т. е. в ситуации, когда ни один из коммуникантов не заблуждается относительно обстоятельств коммуникации. Первый трактует диагональные интенционалы в интерналистском ключе – как нечто, детерминированное внутренними свойствами говорящего или мыслящего агента, и посему доступные ему *a priori*; в то время как второй объясняет эпистемический доступ к семантическому содержанию выражения экстерналистским образом – как вопрос наличия надлежащей каузальной связи между говорящим и тем предметом, о котором он говорит.

«Было бы прекрасно, – иронизирует Столнейкер, – если бы мы имели нейтральный язык с внутренним образом детерминированной семантикой – язык, который не требовал бы никаких фактуальных допущений для его интерпретации, но при этом мог бы дать полное описание действительного мира, и всех возможных миров. Было бы прекрасно, если бы существовало чистое эпистемическое пространство, к которому мы имели бы априорный доступ, и с помощью которого могли бы локализовать наши несогласия с тем, как должен выглядеть актуальный мир. Но я не думаю, что все это возможно. Единственный способ, как мы можем описать мир – это использовать материалы, которые актуальный мир предоставляет нам – вещи, свойства и отношения, которые мы в нем находим. [...] Семантические и фактуальные вопросы оказываются переплетены, и в этом заключается проблема» (7, 319).

Подводя итог, стоит отметить, что метасемантический 2-мерсионализм является очевидным и закономерным выражением того антиуниверсалистского поворота в аналитической философии, которым ознаменовались последние десятилетия XX в. Данный подход, находясь общем в русле натурализации логической семантики, дает нам неплохой способ описания тех проблем, которые проистекают из смешения фактуальной и семантической информации, а также некоторые ресурсы для их решения.

Примечания

(*) Разбор и опровержение других аргументов в пользу универсализма – аргумента анализа и, в особенности, аргумента контекстной независимости, – можно найти в работах Я. Хинтикки, например, в (2).

(**) Резко критикуя «семантическую» версию двумерной семантики Столнейкер берет броский эпиграф к своей статье (8): «*Hell is paved with primary intensions*».

Литература

1. Дэвидсон Д. Метод истины в метафизике // Аналитическая философия: становление и развитие / Под ред. А. Ф. Грязнова. М., 1998.
2. Хинтикка Я. Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. 1996, № 9.
3. Kusch M. Language as calculus vs. language as universal medium: a study in Husserl, Heidegger, and Gadamer. Dordrecht: Springer, 1989.
4. Chalmers D. Two-dimensional semantics // Lepore E., Smith B. (ed.) Oxford Handbook of the Philosophy of Language. Oxford: Oxford University Press, 2006.
5. Heijenoort, J. van. Logic as calculus and logic as language // Synthese. Vol. 17. 1967.
6. Hintikka J. Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator. An ultimate presupposition of Twentieth-century philosophy. Dordrecht: Kluwer, 1997.
7. Stalnaker R. Assertion revisited. On the Interpretation of Two-Dimensional Modal Semantics // Philosophical Studies. Vol. 118. 2004.
8. Stalnaker R., Baldwin T. On Considering a Possible World as Actual // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. Vol. 75. 2001.

Ю. В. Горбатова (Москва, НИУ ВШЭ)

Зло и всемогущество

Мы должны признать, что бог или хочет удалить зло из мира и не может, или может и не хочет, или, наконец, и может и хочет. Если он хочет и не может, то это – бессилие, что противно природе бога. Если он может и не хочет, то это свидетельство злой воли, что не менее противно природе бога. Если он и хочет, и может, что является единственным из предположений, которое может быть применено к богу, то почему же в таком случае на земле существует зло?

Эпикур

В мире есть зло. В мире много зла. В мире много ужасающего зла. Это легко сказать, но за словами лежат события, к которым сложно относиться равно-